

Библиотеке А.И.Герцака (г.Томель) В. БАЛАКИН

от автора

Библиошпи

30. VI. 2021

ПОИСК ГЛУХАРИНЫХ ТОКОВ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

*Зов предков нас влечёт в таёжные края,
Где полны таинства леса и песни глухаря.*

Молодость. Запас энергии и здоровья. Успехи на работе и в аспирантуре. Казалось бы, чего не хватает человеку в его неполных тридцать лет? Что гонит его из Москвы на север, где ещё холодно? Может быть программа, заложенная в геномную память предками охотниками-профессионалами, жившими в Архангельской губернии? Именно туда тянет нас с Лёшей Семёновым весной 1965 года. Туда, где ещё лежит снег, туда, где можно поохотиться на глухарей.

Перед нами подробная карта Архангельской области. Зелёным цветом обозначены массивы лесов. Внимание привлекает северо-восточная сторона от крупного населённого пункта Няндомы, расположенная за рекой Моша.

Решение принято. Берём двухнедельные отпуска и составляем подробный перечень всего необходимого для дальней дороги. Расчёты показывают, что наши рюкзаки будут весить не менее 25 килограммов (топорики, электрические фонари с запасом батареек, патроны, продовольствие, спальники, одежда и, конечно, конвертируемая валюта — бутылки с водкой).

27 апреля мы уже в плацкартном вагоне поезда Москва-Архангельск. В соседнем купе тоже охотники, направляющиеся в сторону Каргополя. У них застолье. Слышится:

— Если не можешь с компасом ходить по азимуту — в тайгу не суйся.

Утром оказались в Няндоме. Холод, идёт снег. Пока в местном охотобществе выписывали путёвки на глухаря, тетерева и рябчика, рейсовый автобус в населённый пункт Моша ушёл. Расспрашиваем о дороге в облюбованные нами места. По совету местных жителей добираемся до остановки автобуса «Укусный завод» и садимся ждать попутную машину.

Часа через два устроились в кабине грузовика с удобрениями, которая шла в нужном нам направлении. Через двенадцать километров пути высадились в небольшом посёлке. Посёлок состоит из двух десятков убогих деревянных домов. Около каждого — большие, соизмеримые с домом поленицы дров. И это после зимы. Жизнь здесь требует много трудов. Невольно возникают мысли о предках, которые возможно жили в таких же домах, хорошо знали тайгу, умели пользоваться дарами природы, а порой и вступать с ней в борьбу. Они не подвергались нашествию татаро-монголов, не познали крепостного права. Это были свободные, сильные духом с независимым характером люди.

Около нашей временной стоянки течёт разлившаяся речушка. С неё изредка взлетают и опять садятся на воду утки. Периодически слышится шварканье селезней.

Сидим уже довольно долго, сильно проголодались, а попутной машины в сторону посёлка Канокша всё нет. Покупаем в ближайшем доме два литра молока, перекусываем с хлебом. Наконец в третьем часу дня останавливаем машину «Скорая помощь», которая идёт в посёлок Моша, где находится центр здешнего совхоза. Через 30 километров пути оказываемся на развилке дорог, называемой «Выходные». Наш путь лежит в сторону Ямного через Воезеро. Вместе с нами сошёл незнакомый мужчина лет тридцати пяти. Он с Ямного, работает на лесосплаве, использующем паводки здешних небольших рек. Одет легко: в летний костюм. Очевидно несколько дней назад, до его поездки в Няндому, здесь было тепло. Рассказывает о своей работе, жизни, запивая для сугрева вином из горлышка бутылки. Работа на лесосплаве очень тяжёлая, но хорошо платят. Правда большая доля зарплаты пропивается. Постоянные холод, сырость, неустроенность и отсутствие культурного отдыха по его словам заставляют при помощи водки как-то «приукрашать» свою разбитую жизнь. Развёлся с женой, живущей в Харькове, поднакопить денег на будущее не удаётся.

В свою очередь интересуется:

— Куда Вы с рюкзаками и такими тяжёлыми рюкзаками направляетесь?

— Искать глухариные тока. Планируем направиться на северо-восток от озера Моша.

— Да... Там действительно места глухие. Попробуйте пройти вдоль реки Еглам до озера Еглам, из которого она вытекает. А может ещё лучше вдоль реки Канокши.

Он рисует примерную карту этих мест с названиями населённых пунктов. Часа через два садимся в грузовую машину, везущую продукты в Воезеро.

В первой же попавшейся по пути деревушке шофёр и подсевший к нему попутчик покупают бутылку водки и прямо в кабине машины её распивают. Затем трогаемся. Дорога грунтовая неопишуемо разбита. Качает из стороны в сторону так, что порой кажется, не выдержат борта, и мы вместе с рюкзаками и ящиками с продуктами нырнём в один из кюветов. Слева тянется озеро Моша, над которым проносятся стайки уток, справа лес с сугробами снега.

Доезжаем до продуктового магазина Воезеро — крупного для этих мест посёлка. Здесь на наше счастье стоит трактор «Беларусь» с прицепом, который отправляется в Канокшу с продовольствием.

Дорога за Воезером идёт через лес на подъём. Тракторист — молодой парень лет девятнадцати, тоже очень легко одетый, выпивший, бесцеремонно ведёт трактор по ухабам. В кузове прицепа, где мы с Лёшей и прежним попутчиком еле уместились, несколько ящиков со спиртным. Через некоторое время запахло водкой — очевидно одна из бутылок разбилась. Не доезжая нескольких километров до Канокши, тракторист останавливается, перелезает к нам и говорит, что замёрз. Достаем из рюкзака бутылку водки. Леша, он и попутчик её выпивают. Я отказываюсь, однако вместе с ними закусываю московской колбасой. Весь этот день прошёл практически без еды.

Ещё больше похолодало. Мы с Лёшей опустили уши у зимних шапок, а наши попутчики в кепках. Наконец доезжаем до пункта Канокши, объединяющим этим названием четыре рядом расположенных деревни. Однако каждая из них имеет своё собственное название.

Одеваем тяжёлые рюкзаки и идём правым берегом вверх по течению Канокши. Быстро темнеет, повалил густой снег. В

полной тьме навстречу попадают два трактора, везущие сено со стороны озера Еглам. Увидев нас в свете фар, трактористы остановились. На наш вопрос о жилье ответили, что в трёх километрах отсюда деревня Малые Верховья, где можно переночевать. Разбитой с ямами и лужами дорогой к десяти часам вечера подошли к заброшенной деревне из десяти домов. Два из них, как выяснилось позже, жилые. Это дом лесника Павла, в трёхстах метрах от него — одинокой старой женщины. Дом лесника определяем по лаю собак. Он выглядит пустым. Лёша с электрическим фонариком обходит дом, освещая окна комнат.

Наконец выходит Павел, спрашивает кто мы и приглашает в переднюю часть дома. Показалась его жена — женщина лет сорока с угловатой фигурой, познавшей тяжёлый труд. Всё домашнее хозяйство на её плечах: корова, куры, стирка, приготовление еды, заготовка грибов и ягод. К тому же работает в колхозе.

Узнав, что мы москвичи, хозяйева засуетились, накрывая стол. Лёша из рюкзака достал две бутылки водки, колбасу. Появились грибы, молоко, яйца, мочёная брусника. Завязался оживлённый разговор. Чувствовалось, что в этом доме неожиданно возник небольшой праздник. Хозяйка Лена опрокидывала стопки наравне с мужиками. В середине застолья послышался стук в дверь, и на пороге появилась седая, почти ослепшая женщина:

— Думаю, чего лаяли собаки, да и свет так поздно горит?

Лена пригласила ночную гостью за стол, налив гранёный стаканчик водки.

Взглянув на старуху со следами необыкновенной в молодости красоты и интеллигентности, я пододвинул к ней стул. Та с удовольствием села, выпила и стала прислушиваться к разговору. Потом приблизилась очень близко к моему лицу, как будто приносиваясь, вздохнула:

— Я тоже родилась и жила в Москве. Как давно это было! Прошлая жизнь бывшей политзаключённой, оставленной здесь на поселении. Возвращаться стало некуда и не к кому, да и помирать скоро.

Все смолкли, словно увидели только что разбившуюся на мелкие кусочки красивую и дорогую вазу. О произведениях

Солженицына я краем уха слышал, но сам тогда ещё ничего не читал. Моих родственников и знакомых сталинские репрессии не коснулись. И только сейчас внезапно столкнулся с результатом жестокости, сломавшей эту хрупкую и незащищённую женщину...

Между тем Павел оценил наши ружья: штучное бельгийское и ИЖ-54. Дал скопированную на кальке подробную карту местности, вплоть до озёр Еглам и Канокша. Показал на ней места, где чаще всего встречал глухарей.

Наконец, легли в долгожданную постель. После всех мучений за день крепко спали до восьми часов утра.

Позавтракав, тронулись в путь по разбитой тракторами дороге вдоль правого берега Канокши вверх по течению. Сразу же стали видеть поднимающихся парами уток. Через полчаса ходьбы подошли к заброшенному посёлку Большие Верховья, состоящему из десятка домов барачного типа, где когда-то жили лесорубы. По моей просьбе делаем передышку под навесом для техники. Лёша — бывший турист, он предлагает идти по графику: 50 минут ходьбы, 10 минут — отдых.

Входим в лес. День пасмурный, холодный, с северным ветром. Идти по грязи тяжело, на обочинах толстый слой снега. Но вот метрах в тридцати впереди нас поднялся на крыло глухарь, перелетел дорогу и скрылся за вершинами елей. Оба встрепнулись и забыли про усталость. Через некоторое время прямо на дороге наткнулись на следы нового глухаря. Сбросили рюкзаки и по следам, проваливаясь в снег, через болото с брусникой вышли на пригорок. Глухарь где-то впереди нас взлетел, шум его крыльев быстро смолк.

К полудню подошли к охотничьей избушке, расположенной в устье рек Еглам, несущей свои воды с севера, и Канокши, текущей с востока. Толстые стены, печка с трубой, хорошо подогнанная дверь, много сена на нарах. На костре сварили вермишелевый суп и чай. Корейка и сыр с колбасой быстро восстановили силы. Первоначальный маршрут выбираем по карте вдоль речки Еглам до охотничьей избушки Рытоволга. Решаем также разгрузиться. Часть вещей и продовольствия оставляем в подвешенном состоянии на чердаке избушки.

Отдохнув, трогаемся в путь. Через низину входим в лес. Дорога подходит к виляющей реке. Её правый берег имеет проталины, на которых много ягод перезимовавшей брусники. Через полчаса ходьбы внезапно видим свежие следы медведя. Первое впечатление от следов неприятное: тело покрылось мурашками, волосы на голове приподняли шапку. Алексей по-видимому испытывает такие же чувства. Но, мрачно усмехаясь, предлагает пройти по этим следам. У меня непроизвольно вырывается:

— Ну его...

Складываем ружья. Я взял с собой несколько пуль «Бренеке» и заряжаю своё двуствольное ружьё 12 калибра. У моего напарника пуль нет. В ружье 16 калибра он закладывает два патрона с дробью номер один.

К встрече с медведем мы были психологически не готовы. Договариваемся: если что — не убегать, друг друга не бросать и стрелять в упор. Подбадриваем себя словами:

— Мишка небось тоже дрожит от страха и медвежьей болезни.

Трогаемся дальше, держа заряженные ружья наперевес. Справа, на противоположной стороне реки, слышно курлыканье журавлей, неподалёку изредка раздаётся чей-то вой. Весенняя тайга наполнена звуками.

Но вот наконец и Рытоволга. Это охотничья избушка с нарами и печкой, топящейся по-чёрному. Окна разбиты, на крыльце глухариный помёт. Избушка стоит на бугре у реки. Противоположный её берег весь в снегу. Рядом журчит ручей. Пообедав и отдохнув у костра, оставляем вещи в Рытоволге и отправляемся на разведку. Идём в сторону озера Еглам. По дороге попадается большой ручей с мостом. Под мостом ледяная запруда и вода идёт через верх. Вырубаем шесты, чтобы поток нас не снёс, так как дно ледяное и скользкое. Дорога входит в лес. Через полчаса попадается просека, идущая с запада на восток к реке. Рассуждаем, что если ручьи текут тоже с запада на восток, следовательно, где-то на западе есть болото.

Направляемся влево по просеке. Лёша, как турист, всё время пытается ориентироваться по компасу. Мне же и так всё

ясно, тем более что на небе светит солнце. Проваливаясь выше колена в снег, подходим к большому пню — старому выворотню. Около него поднимаем глухаря. Через полкилометра выходим на окраину мохового болота. Здесь сразу же натываемся на множество цепочек следов глухаря и кучи помёта. Изменив маршрут, медленно двигаемся на север вдоль края болота. Попадают интересные следы: большие и круглые. Очевидно, рыси. Солнце уже на закате. Пересекаем тайгу напрямик к реке. Кругом бурелом, затрудняющий и без того тяжёлый по снегу путь. Много следов глухаря и опять рыси. Создаётся впечатление, что мы находимся в центре глухариного края. Предвкушаем интересную и лёгкую охоту.

К Рытоволге возвращаемся уже в темноте. Ночью ударил мороз до -10°C . У Алексея добротный спальник, у меня — солдатское одеяло. Телу в меховой телогрейке и ватнике тепло, но мёрзнут ноги. В половине второго ночи выхожу на улицу. Звёздное небо. Развожу костёр. В котелке с вечера оставалось немного чая, но сейчас это всё превратилось в толстую корку льда.

Наконец горячий чай немного согревает. Наконец-то разогреваюсь лишь во время ходьбы к предполагаемому току. Очень темно. Скользко. Все лужи покрыты льдом. Ручей, текущий через мост, осторожно переходим с шестами. Наконец и просека. По следам дошли до пня. Дальше — по кромке большого леса вдоль болота. Под ногами наст, однако, не очень крепкий, и мы часто проваливаемся в снег. Садимся на бревно и слушаем. Уже три часа ночи, а глухарей не слышно.

Переходим через мысок леса с крупными елями к болоту. На выходе ясно услышали щёлканье клювом глухаря.

Под песню двигаюсь к птице. Под ногами наст шумно проваливается. Успеваю во время шипения делать по три шага. Постепенно перехожу на два и вот уже делаю лишь один шаг. Глухарь близко. Он сидит на суку небольшой сосны в полдерева метрах в семидесяти. Ствол заслоняет его бок. Хорошо видна вытянутая шея. Глухарь поёт, трясая головой и бородой. Такое впечатление, что он меня тоже видит. Тщательно под песню прицеливаюсь в голову, раздаётся выстрел. Тяжёлая птица срывается с дерева и улетает. В той стороне, где он

скрылся, тоже раздаётся выстрел. Это Лёша метров за сорок пытается достать его, но промахивается. Сходимся. Алексей громко и возбуждённо разговаривает. Я его обрываю и прошу говорить тише. Ведь должны же быть ещё глухари. Однако их уже не слышно. Где-то в стороне стонет клинтух. За рекой забулькали тетерева и закурлыкали журавли.

Идём назад по болоту. Отдельные кочки уже оттаяли, усыпаны красным бисером клюквы. На опушке леса много брусники, ещё не совсем оттаявшей. Через лес напрямик выходим к избушке. Кипятим чай и ложимся спать. В десять часов утра просыпаюсь от холода. Не помогает сложенное вдвое одеяло. Светит солнце, а в избушке мороз. Окна разбиты. С вечера кое-как я их заделал кусками толя, но это не помогает.

Разводим костёр, греемся и решаем, что Лёша варит обед, а я отправляюсь за лыжами, которые мы видели воткнутыми в снег. Впоследствии мы узнали, что их там оставил ещё в декабре егерь, живущий в Моше. Он охотился на лосей, и они оказались тогда ненужными.

Не успел я отойти от избушки, как к нам подъехал трактор. С него сошли два человека. Трактористы уже нас видели два дня назад. Интересуются, кто мы. Тогда мы не знали, что где-то недалеко от нас строится космодром «Плесецк» и что людей, живущих в этих краях, возможно предупредили о необходимости проявления бдительности. Мы назвали себя, показали путёвки. Я сходил за лыжами и вернулся как раз к обеду. Это вермишелевый суп из пакета и рожки с сухим молоком. Пока свежего мяса нет. На такой еде при большой физической нагрузке долго не протянешь.

Пообедав, отправляемся на разведку местности. По дороге за лыжами справа по ходу движения я видел старый зимник. Он сильно разбит и часто проходит по болотам. Выходим на вырубку, за ней на вторую, третью... Кругом торчат пни, частокол сучьев и никаких признаков глухаря. Зато на оттаявших вырубках вдоволь наедаемся брусники.

Возвратившись к вечеру, решаем как следует натопить избушку. Заготавливаем много дров. Избушка без трубы. Стены все чёрные, закопчённые. Из груды кирпичей делаем две стенки. Сверху кладём лист железа и на него — груды камней.

Разводим огонь. Чёрный дым валит из окон и дверей. Хорошо протапливаем импровизированную печь, закрываем окна и ложимся на нары. Спим в тепле.

В два часа ночи выходим на улицу. Мороз -10°C. Берём с собой лыжи и направляемся к току. Можно с дороги пройти напрямик, это всего-то около семисот метров. Но в лесу сплошные завалы. Ночью тут идти неудобно, как впрочем и днём. Поэтому идём по просеке. Я на лыжах, Алексей — по старым следам. Обнаруживаем, что наст покрепчал и держит, не проваливаясь. Быстро и без шума выходим к болоту. Очень хочется добыть глухаря. Сегодня ведь 1 мая — праздник. Да водка ещё не тронута. Лёша пошёл направо вдоль болота, я — влево. Уже светает. Скоро в этих местах наступят белые ночи. Вдруг недалеко от себя слышу глухаря. Петух поёт на земле в открытой части болота. Рядом «хрюкает» другой глухарь. Мои попытки подойти поближе не удаются. Сначала улетаёт хрюкающий, а вслед за ним и поющий. Выхожу на место тока. Вижу чертежи, круги, где птица прыгала вверх. Больше глухарей не слышно. Совсем светло. Рядом на болоте токует тетерева. Подходит Лёша, у которого тоже охота прошла без успеха. Разговаривает громко. Я его прерываю просьбой потише. Уж очень волнующи звуки дикого таёжного леса. Солнечное утро, голубое небо. Чувствую полную гармонию своей души и настроения с окружающей меня, просыпающейся природой.

Возвращаемся в избушку, отдыхаем, потом варим обед из сухого вермишелевого супа с рябчиком. Лёша утром подманил его свистом манка. Повеселели. Однако отмечать праздник 1 мая не стали. Взятую с собой водку, мы, в конце концов, привезём обратно в Москву. В тайге для нас она оказалась лишней.

Решаем сходить к озеру Еглам. Оно расположено приблизительно в 15 километрах от Рытоволги вверх по реке. Берём с собой сухой суп, сыр, корейку и хлеб. Для нашего таёжного быта это изысканная еда. Не зря тащили тяжёлые рюкзаки. Стоит тёплый с температурой +6°C солнечный день. Вода в ручье над ледовой запрудой поднялась. Однако в сапогах ещё можно осторожно перейти на ту сторону. Настроение бодрое

и весёлое. Слева остался глухариный ток. Дорога, проходя через лес, изредка выходит к берегу реки. Очень чуткие утки постоянно взлетают впереди вне выстрела. Часа через полтора выходим на луг, покрытый кустарником. Летом здесь, очевидно, покосы, так как видны следы от копен сена. Рядом с дорогой ещё не оттаявшие озёра, покрытые снегом. На них цепочки тетеревиных следов. Впереди срываются косач и две тетёрки.

Раздаётся свист рябчика. Лёша его подманивает пищиком, я сбиваю. С этого дня у нас ежедневно в вермишелевом супе будет рябчик! Технология его добычи успешно отработана. Переходим через мост на левый берег реки Еглама, справа видно устье речушки Нечела. Натыкаемся на свежие следы медведя, бредущего впереди нас по дороге. Километра два идём по его следам. Разговариваем тихо. Внутренне собраны и готовы в случае чего к обороне. Но вот слева появились холмы и овраги. Медведь скрылся в той стороне. Внутреннее напряжение потихоньку спало. Алексей вчера потратил много времени, чтобы из дроби отлить на костре три круглые пули. Говорит, что теперь стал вооружён и для косолапого тоже очень опасен.

Наконец выходим к озеру Еглам. Открывается красивый вид. Слева тянется водное пространство, покрытое льдом со снегом шириной около километра. Из озера вытекает речка. У её истока прошлогодний камыш, над которым непрерывно летают утки. За озером виден подъём, склоны которого покрыты густым лесом. Ласкают глаз могучие ели, амфитеатром поднимающиеся друг над другом. Справа — местность ровная с полями и островами мелколесья. Виден летящий тетерев. Прямо — три заброшенные деревни. Подходим к первой из них. Громадные, старые, но прочные дома, несколько двухэтажных. На окнах наличники с резьбой. На одном из домов вырубка — 1837 год. Внутри осталась старая разбитая утварь: прясла, стулья... Все комнаты другого дома оклеены газетами «Правда» за июль 1941 года. Возникает вопрос: «Почему люди покинули этот по всем приметам некогда богатый край?» Кажется, сейчас получим и ответ, так как к одному из домов от озера ведёт тропинка. В это время выходят двое мужчин, оче-

видно рыбаков. Проходя мимо них, здороваемся. Однако те не расположены к разговору. В итоге расходимся и поворачиваем назад. В полутора километрах ниже по течению Еглама обнаруживаем мельницу, которая выглядит как новая. Она изготовлена из толстых смолистых стволов елей. Кажется, что ещё вчера крутились её колеса и жернова. Подшипники скольжения покрыты толстым слоем солидола. Воочию видим результат гибели уклада жизни людей, обосновавшихся здесь в старые времена.

Варим в котелке рябчиков, заправляем навар сухим вермишелевым супом. Лёша оказался отменным поваром, дичь потрошит в одно мгновение. Едим. Отправляемся в дорогу, когда стало смеркаться. Полная луна, мороз. Опять, уже в темноте, неприятные часы ходьбы по медвежьим местам. В одиннадцать вечера усталые, но с массой впечатлений подходим к Рытоволге, к избушке. Ложимся спать. В два часа ночи просыпаемся от холода, на улице мороз -12°C. После дальнего путешествия в Еглам и дороги более тридцати километров вставать очень тяжело. Отбивая зубами дробь, развожу костёр. Согревшись горячим чаем, захожу в избушку. Лёша возится с сапогами, никак не наматывает портянки. Говорю ему, что он мастер долго собираться. Чувствую, обиделся. Отказался от чая. Уже половина третьего. Быстро светает, а мы только трогаемся к току. Через полчаса уже на месте. Расходимся. Слышу глухаря. Он поёт на открытой части болота. За хилыми ёлочками быстро дохожу до него метров на шестьдесят. Наст держит хорошо. Однако стрелять далековато. Впереди укрытий нет. Скачу под песню назад. Правее ёлки погуще. Подпустив меня метров на семьдесят, петух улетает на границу крупного леса. В той стороне квохчет глухарка. Опять скачу к нему. Совсем светло. Однако возможностей прятаться здесь больше. Кругом толстые сосны. Выбираю их цепочку, ведущую прямо к глухарю. Всё равно не везёт. Метров шестьдесят до глухаря — открытое место. Искать новые пути подхода нет больше терпения. Тщательно прицелившись, стреляю первым номером дроби в его бок, покрытый иссиня-чёрными перьями. Петух улетает метров за двести и к моему большому удивлению, задыхаясь, поёт почти без перерыва. Рядом с ним

глухарка. Опять скачу к нему. Глухарь топчется на толстом суку большой сосны. Но ближе пятидесяти метров подойти к нему не удаётся. Дальше опять открытое пространство. С досадой перезаряжаю ружьё пулей. Долго выцеливаю, стреляю, а глухарь улетает.

Через полчаса появляется Алексей, у него такая же история как и у меня. Кажется, что глухари здесь как будто бронированные.

Утро солнечное, на улице тепло, а в избушке — ночной мороз. После обеда решаем разведать верховья ручья с ледяной запрудой. С дороги он виден в распадке, с обеих сторон которого красивый еловый лес. Переходим ручей и поднимаемся по левому берегу вверх по течению. Низина вся в воде. Идти по ней становится неудобно. Решаем двигаться параллельно ручью лесом. Попадаются лощины и поляны, где наст проваливается. Кругом следы лосей и волков. Через час выходим к большому болоту. Обнажённые кочки сплошь покрыты клюквой. Через некоторое время жевать её уже нет сил. На болоте изредка видим следы глухарей. А вот — и медвежьи.

Направляемся на юг, а через километр — по компасу в сторону реки. Выходим на сильно заросшую вырубку. Вокруг выворотни и сплошной брусничник, усыпанный ягодами. Очевидно где-то рядом и косолапый, так как мы почти замкнули круг, а выходного следа не было. На этот раз чувствуем себя намного спокойнее. К мысли о медведях и необходимости сосуществования с ними уже привыкли. Опять попадаетесь зимник, упирающийся в вырубку с брусничкой. Поднимаем глухаря, идём по следам другого, но тока в этой части леса не находим.

Выйдя к Рытоволге, наготовили дров, опять хорошо протопили печь. Выспались в тепле. В начале третьего были уже на току. Глухаря здесь взять не так-то просто. Болото почти открытое, а ток начинается, когда уже светло. Но вот петух запел. Решаем заходить к нему с двух сторон. Вероятность подхода на выстрел при этом увеличивается. Учитываем также, что глухарь часто токует на земле и от охотника уходит в противоположную сторону. Наученные предыдущим опытом неудачных подскоков, ищу глазами цепочку прикрытий: небольших ёло-

чек, групп сосенок и отдельных более или менее толстых деревьев.

Щёлканье и шипение глухаря слышатся то сильнее, то слабее. Наконец в семидесяти метрах от себя вижу петуха, разгуливающего по насту. Затаиваюсь, так как дальше место открытое. Спёрло дыхание, стучит в висках, становится жарко. В стороне закричала глухарка. Петух поднялся на крыло и улетел метров на сто.

Подыскав удобный маршрут, поскакал к нему. Загораживаясь ёлочками, подошёл к петуху метров на тридцать пять. Он сидел на вершине невысокой сухой сосны боком ко мне и азартно пел. Делаю последние прыжки и отчётливо вижу цель. Тщательно навожу мушку прицела в бок и стреляю под песню. Глухарь срывается с дерева и летит, постепенно снижаясь. Слышу удар о наст и возглас Лёши: «Готов!» Птица пролетела метров сто и упала прямо перед ним. Вдалеке слышно пение других глухарей. Решаем, что я направляюсь к дороге и жду, а Алексей продолжает охоту. По компасу напрямик выхожу к реке и сажусь на пень. Быстро замерзаю, ведь температура -10°C. Приходится разогреваться гимнастикой и пробежками. Наконец, вернулся Алексей, но без глухаря. Всё равно настроение у обоих отличное. Только теперь открыли бутылку водки, немного выпили и легли спать.

Сегодня 3 мая. Встав по традиции в десять утра и позавтракав, решили доисследовать район леса на запад от Рытоволги. Через час вышли на небольшое болото с клюквой. Подстрелили двух рябчиков. Еда у нас, кроме сухих супов и сухарей, кончается, но зато появился глухарь. Нового тока опять не нашли. С вечера решили протопить избушку, пораньше лечь спать, чтобы после утренней охоты и сна начать переход в верховья Канокши.

В начале третьего ночи — опять на току. Сразу же слышим глухаря и скачем под шипение к нему с двух сторон. Я быстрее, Алексей запаздывает. Изредка под ним наст проваливается. С досадой думаю: «Ломится как лось. Не подшумел бы».

А вот и глухарь. Он сидит на вершине небольшой сосны и поёт, взмахивая крыльями. До него всего двадцать метров.

После выстрела падает. Подходит Лёша, и мы направляемся в северную часть болота. Там тоже слышны щёлканье клювом и шипение. Алексей направился к петуху, я иду за ним, постепенно отставая. Даю возможность другу утолить охотничий азарт. Уже совсем светло. Глухарь перестал петь. Видим в стороне летящего над болотом ещё одного петуха.

Выходим на дорогу. Идём к избушке. Неожиданно справа из большого леса донеслось пение глухаря. До него метров двести. Подходы очень хорошие. Сняв рюкзак, хочу поскакать к нему, но Лёша не пускает. Нужно, говорит, поберечь этот ток на будущее.

Позавтракав, ложимся спать. Встаём в одиннадцать утра. Надев рюкзаки, в каждом из которых по глухарю, отправляемся назад к Устью. За пять минувших дней снег на дороге растаял. Однако в лесу ещё лежит нетронутый. Берега реки обнажаются, лёд почти сошёл, остались лишь заторы в местах крутых излучин. Через час с небольшим подходим к охотничьей избушке. Разводим костёр. С чердака достаём мешок с провизией и варим обед. Поев, глухарей подвешиваем на чердаке. Запас еды на обратную дорогу маскируем в кроне недалеко растущей густой ёлки. Переходим мост и направляемся в верховья Канокши. Сразу же, прямо с дороги, поднимаем глухарку. Через час ходьбы оказались в Рачмино — полуразрушенном посёлке лесозаготовителей, которые работали здесь лет пятнадцать-двадцать назад. В одном из домов барачного типа нашли утеплённую комнатку с печкой и полатями, покрытыми душистым сеном. Имеется запас дров, спички, соль. Немного передохнув, трогаемся дальше к Дуровой сторожке, где, по словам лесника Павла, должен быть богатый глухариный ток. За Рачмино по бревну переходим ручей и, двигаясь по правому берегу реки, начинаем петлять. Идти тяжело. Это результат бессонных ночей и длительных путешествий в районе Рытоволги. Присаживаемся передохнуть на крутом берегу и вдруг видим совсем рядом выплывших из-под ледяного затора двух выдр. Прижимаясь к левому берегу, они плывут вверх по течению реки, затем ныряют и больше не показываются. Сразу стало веселее. Наконец к вечеру подошли к Дуровой избушке. Она сложена

из добротных брёвен и выглядит чистой. Печки нет. Внутри можно развести костёр. В потолке — люк, заменяющий трубу. Чистый дощатый пол и охапка соломы в углу. Между брёвнами стен кое-где видны щели. Рубим дрова, разводим костёр. Темнеет. Алексей варит ужин, я же с ружьём сижу у реки и ожидаю вечерний лёт уток. Однако их не видно. Морозит. Ложимся спать. Лёша предлагает ночью идти в направлении предполагаемого тока. Я устал и отказываюсь. Алексей говорит, что уйдёт один. Отвечаю:

— Иди. Я выплюсь в твоём спальнике, а тебя одного ночью в лесу слопают медведь или рысь.

Засыпаем. Утром просыпаемся от холода. Развожу костёр. С восходом солнца быстро теплеет. Завтракаем и направляемся на запад к лесу. Пройдя по нему метров триста, выходим на заросшую мелким ельником визирку — просеку шириной 1-1,5 метра. По визирке двинулись на север. Идти легко. Наст держит хорошо. Сверху лежит пороша толщиной около сантиметра, на которой хорошо видны наши следы.

Пересекли болотистое место с руслом ручья под снегом и вышли на старый заросший зимник. Пошли по нему на запад. Появились холмы, за ними болото, справа ручей. На холмах нашли следы глухарей, на болоте — одиночные крестообразные цепочки. Вернулись к буграм и пересекли ручей.

На склоне небольшого холма увидели множество глухариных следов. Вспугнули петуха и глухарку. Кругом видны утопанные глухарями круги. Здесь они по утрам крутились и, вспархивая вверх, шумом крыльев указывали подругам место своего нахождения.

Кругом визитные карточки: кучи помёта. Несомненно, что это место — центр глухариного тока. По своим следам направляемся назад к избушке. Ночью найти этот ток значительно сложнее, чем рытоволгский. Обедаем и решаем сделать разведку вверх по течению Канокши. Пройдя километра два, выходим к крупному густому лесу. Частокол деревьев. Берега реки тоже покрыты густым мелколесьем. Видны очень большие следы медведя. Вот он на краю поляны встал на задние лапы, а на толстом стволе сосны когтями передних лап оставил глубокие горизонтальные царапины. Лёша поднял руки и

до отметин не достал. А ведь рост моего друга метр восемьдесят сантиметров.

С таким медведем что-то встречаться не хочется. Под предлогом нецелесообразности ходьбы по чаще леса возвращаемся назад. Отдыхаем и ложимся спать. Встаём в час ночи, греем чай и идём на ток.

Наши следы, высвеченные электрическими фонариками, доводят до бугров. Останавливаемся. Слушаем. Тишина. Но вот прямо над головой громко и тревожно завоптала глухарка. Лес сразу ожил. Невдалеке от нас защёлкали клювами и зашипели не менее пяти глухарей. Поскакал под песню к ближайшему. Кажется, что он поёт то рядом, то дальше. Оказывается, это токует сразу два. Первого я подшумел и он улетел. Скачу ко второму, однако справа поёт ещё один. Не обращаю на него внимания. Метров в пятидесяти мелкие ёлочки. Над ними вижу вспархивающего петуха. Глухарь ходит по земле. Через каждые полминуты шумом крыльев приглашает к себе невесту. Их сзади меня квохчет сразу несколько.

Приблизившись метров на двадцать пять, стреляю. Подранок побежал от меня и спрятался под густой небольшой ёлкой. Сгоряча хватаю птицу за хвост. Отдав мне больше десятка перьев, он — бесхвостый — быстро побежал по насту. Вторым стволом его достреливаю. Слева тоже раздаётся выстрел. Это прямо на Лёшу налетел ещё один глухарь, а он смазал его над самой своей головой. Слышу, сокрушается:

— На восьмом номере круглого стенда бью маленькие тарелки, а в такую колоду — мажу.

От надланного нами шума ток прекратился. Мой напарник без настроения, ворчит. Возвращаемся назад. Визирку пересекли свежие следы большого медведя. По ночному пути к току их не было.

Решаем сегодня после отдыха отправляться в обратную дорогу. Подбадриваю Лёшу:

— В Москву привезёшь двух глухарей. Мне и одного достаточно.

Лёша нервничает, ворочается:

— Ты свою охотничью страсть полностью утолил, а я как будто с женщиной несколько ночей подряд провозился без результата...

В избушке тепло, на сене мягко. Сквозь сон слышу, что Алексей встал и вышел из избушки.

Пробыв на дворе вроде бы совсем недолго, он заходит и будит меня. Нехотя открываю глаза и вижу, что Лёша трясет перед моим носом краснобровым глухарём:

— Думал я без добычи вернусь в Москву?

Оказывается, в полночь он ушёл к Рытоволге и на току добыл своего собственного петуха.

В сумерках подошли к Малым Верховьям. Ужинаем с Лёшой в доме лесника. Сам он отсутствует, так как строит дом в Канокше, поближе к людям. Наутро удачно сели в машину, идущую в Няндому. Вечером вошли в плацкартный вагон поезда Архангельск-Москва. Сразу, без постелей легли на полки. Утром при подъезде в Москву нас разбудили пассажиры купе:

— Ну, и крепко вы спите!

Дома жена встретила меня возгласом:

— Что это у тебя на лбу?

От морозов и умывания по утрам из ручья ледяной водой кожа покрылась коростой.

— Это всё ерунда. Посмотри каких красавцев глухарей я привёз.